

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Дмитрию Мельникову

В запретном городе моём,
В оазисе моём –
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.

Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячью горящих уст –
Лиловых, огневых –
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.

Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит –
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад
Шестёркой вещей крыл.

Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Былых истлевших дней зола
Едва шуршит во мне,
И вырастают два крыла
В груди и на спине.

Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Не знают ум и кровь –

Запретный дом, запретный сад,
Запретная любовь.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идёшь к великим в даль –
Богородноуенный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой – сквозь морок лет –
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю –
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идёт.
Так шагает старый бог:
Раз – шажок, другой – шажок.

Шаг за шагом – в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

Ими правил ты, как бог.
Ты себя ломал, как слог,
Рифмой острой, как стилет,
Нервы рвал десятки лет.

Ты – мишень и ты же – цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, – прости всех нас, –
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней –
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

Рыцарь, жулик и герой,
Ты, меняясь, был собой –

Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд –
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Всё простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин –
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сцена – мир... И дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк
На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.
Что осталось нам теперь?
Этот ритм – ать-и-два –
...и слова, слова, слова.

ВИШНЁВЫЙ САД

В твоих глазах цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, – триста лет назад
Всё не было на свете так нелепо?

Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь, как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...

Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь. Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встаёт
Столбом – от лба до неба молодого.

Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны, и пристань Зурбагана...

Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Пусть расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених, а ты – невеста...

Пусть совершится скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем теми же, что прежде...

Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.

Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.
Ассоль, ты заблудилась в чудесах,
Которые творю я силой слова.

Ты видишь – нет меня, я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,
Где нет ни будущего, ни былого,
И небо, небо – в алых парусах...

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

ТЁМНОЕ ВИДЕНИЕ

Предметы, люди, краски, звуки, чувства –
Всё вплетено, как в ткань, в большую ночь.
По своенравным правилам искусства
Проснись во мне, мой Данте, и пророчь!
Настала полночь. В дом мой входят гости.
Пуускай заботы дня уходят прочь!
Мир полон пауз. Всё весьма непросто.
Ко мне пришла родня – кто был убит,
Кто сгнил в земле забытого погоста,
Кто сам собой и миром был забыт...
Вот – белый человек в потёртом френче
Сидит со мной и молча говорит.
Как много смысла в молчаливой речи!
Он кроется в тени, дрожит рука
Истлевшая, и дрожь – небес не мельче.
Ему дана судьба черновика
Чужой судьбы, огромной, без предела,
Как воздух из предсмертного глотка...
Скелет в солдатской порванной шинели

Сидит за ним и смотрит в темноту.
Поёт сквозняк в его прозрачном теле,
И звуки застывают на лету
И падают, звеня, как будто льдинки.
Солдат молчит, он помнит за версту
Пути грядущих боен – без запинки.
Вот – в арестантской робе пустота
Стоит за ним и шумно дышит мною,
И лунный свет на ней – слеза Христа.
И слышно в темноте тысяченочной,
Как Время больно стиснуло уста.
Они меня прочли – всего, заочно.
Они сидят, едят священный мак,
И всё вокруг и вечно, и непрочно,
И ярче звёзд блестит загробный мрак.
Кто мог бы знать, насколько больно свету
Их освещать, сошедшихся вот так,
Как воры, ночью?... Дует чёрный ветер
Сквозь них и сквозь меня. Сей ветер – Бог.
Танцует ветер по большой планете,
Сметая страны танцем лёгких ног.
И, воспевая танец многоликий,
Меня, как золото, мой тратит слог –
Транжирует солнце на лучи и блики,
Покой надежд – на звон благих вестей...
И слышу я, как на ветру столико
Играет скрипка из моих костей
Мелодию бесплотного полёта
Для утешенья ночи и гостей,
И выше всякой боли и заботы
Звучит, звучит, нас в небо вознося,
Та чистая Божественная Нота,
Та музыка, что движет всем и вся.